

Трошина Наталья Николаевна
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
troshinat@mail.ru

Витальность языка с позиций эколлингвистики

Аннотация. В докладе рассматривается эколлингвистическая концепция бытования языка, одним из основных положений которой являются положения о витальности (жизнеспособности) языка, с одной стороны, и об исчезновении / смерти языка, – с другой. Анализируются аргументы в пользу этой концепции, а также доводы против нее.

Ключевые слова: эколлингвистика; витальность языка; исчезновение языка; смерть языка; лингвоцид; языковой империализм; критика эколлингвистики

Troshina N.N
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
troshinat@mail.ru

Language vitality from ecolinguistics point of view

Abstract. The report examines the ecolinguistic concept of the language existence, one of the main provisions of which is the provisions on the vitality (viability) of the language, on the one hand, and on the disappearance / death of the language, on the other. The arguments in favour of this concept, as well as arguments against it, are analyzed.

Keywords: ecolinguistics; language vitality; language disappearance; language death; linguocide; linguistic imperialism; criticism of ecolinguistics

К языку термин «экология» был впервые применен в 1970 году американским лингвистом Эйнарсом Хаугеном в его докладе «Экология языка» [Haugen, 1972] в социо – и психоллингвистическом аспектах: как между животными и растениями существует биологическое равновесие, с одной стороны, и конкуренция и борьба за выживание, – с другой (т. е. их благополучие и выживание зависят друг от друга), так и между языками существуют отношения равновесия и соперничества, причем не только в границах государств и других политических образований, но и в сознании людей, владеющих более, чем одним языком.

Из биоэкологии в лингвистику были перенесены понятия, а следовательно, и термины «витальность» («жизнеспособность»), «угроза», «опасность», «исчезновение», «болезнь», «смерть», которые стали концептуальными опорами эколлингвистического дискурса.

Основными задачами эколингвистики являются защита разнообразия глобальной лингвосферы и сохранение витальности языка как своеобразной окружающей среды человека. В постановке проблемы о жизнеспособности языка, которая касается преимущественно миноритарных языков, существуют два аспекта: 1) собственно лингвистический, т.е. насколько способен язык к адаптации и развитию своей системы под влиянием контактов с другими языками; 2) социолингвистический, т.е. воля языкового сообщества передавать свой язык или вариант языка следующим поколениям, а вместе с ним и свои знания, когнитивные, нормативные и этические ценности. В общественных дискуссиях обычно имеется в виду второй аспект.

ЮНЕСКО разработало список из девяти основных параметров, по которым можно оценить степень жизнеспособности миноритарного языка или степень угрозы его существованию: «1. Трансгенерационная (от поколения к поколению) передача языка. 2. Абсолютное число носителей языка. 3. Процент носителей языка в общей численности населения. 4. Изменение сфер использования языка. 5. Реакция на новые сферы использования и СМИ. 6. Доступность материалов для обучения языку и грамотности. 7. Отношение правительства и институтов к языку, включая его официальный статус и применение. 8. Отношение членов сообществ к родному языку. 9. Тип и качество документации» [Марусенко, 2015: 114].

При решении вопроса о целесообразности мер по сохранению витальности языка в условиях глобализации особенно важно учитывать отношение носителей исчезающего языка к их родному языку, прежде всего, отношение молодого поколения к данному языку как к инструменту, который должен в функциональном и коммуникативном плане обеспечить будущее молодежи. При этом проблемой, вызывающей наиболее острые дискуссии, является тема исчезновения и смерти языков: к ней обращаются культурологи, историки, этнографы, социологи и, тем более, журналисты. В этих дискуссиях часто неправомерно используются как синонимы термины «исчезновение языка» и «смерть языка». Неправомерность такого использования обусловлена тем, что стоящие за этими терминами понятия соотносятся как процесс и его результат: смерть языка наступает в результате его постепенного исчезновения, т. е. ухода из употребления его носителями. Соответственно, различаются исчезающие языки (например, бретонский или идиш) и мертвые языки (например, полабский, прусский или готский, который был жив еще в 18 веке в Крыму). Исчезающие языки сегодня еще используются, но могут исчезнуть в ближайшее время из-за вымирания их носителей или из-за перехода носителей на другой язык.

Полемика по вопросу о целесообразности поддержания витальности исчезающих языков и предотвращению их смерти достигает чрезвычайно высокого эмоционального накала, поэтому предлагается заменить эмоционально заряженный эколингвистический термин «смерть языков» термином «отказ от языка» как на нейтральный и при этом более адекватный социолингвистической ситуации [Марусенко, 2015: 147].

К концептуальным опорам эколингвистического дискурса относятся также два негативно маркированных термина, обозначающих определенные направления в

государственной политике и имеющих непосредственное отношение к вопросу сохранения языков и их витальности: «лингвоцид» и «языковой империализм».

Лингвоцид» – это комплекс мер административно-политического принуждения, направленных на искоренение языка в районах его традиционного употребления, в результате которых носители языка не уничтожаются физически, а подвергаются ассимиляции в языковой сфере. Понятие государственного лингвоцида связано с концепцией «одно государство – один язык», согласно которой язык является мощным средством духовного и политического объединения людей, проживающих на одной территории. Лингвоцид реализуется путем применения следующих методов: 1) запретов, преследований, наказаний; так, например, в турецком парламенте и на турецком телевидении запрещены политические выступления на курдском языке, хотя в Турции принят закон, позволяющий говорить по-курдски [Марусенко, 2015: 344].; 2) обязательного обучения на государственном языке в государственных школах; 3) целенаправленного понижения имиджа этнического языка в глазах его носителей, которых убеждают, что их язык не достоин называться языком, что он даже не диалект, а патуа – просторечная манера говорить и как таковой не может считаться явлением культуры.

Порождением лингвоцида является языковой империализм [Phillipson, 1992], который, в свою очередь, является составной частью культурного империализма и строится на следующих постулатах: 1) языки не равны между собой: существуют варварские языки (отставшие от цивилизации) и передовые языки (цивилизованные); 2) мысли могут быть более успешно выражены на самом распространенном и совершенном языке, чем на родном, ограниченном и в географическом отношении, и в плане своих языковых ресурсов (например, в отношении научно-технической терминологии); 3) носители «варварских» языков часто добровольно отказываются от них.

Эколингвистическая концепция языка имеет как сторонников, так и противников, прежде всего, из-за метафоричности её терминологического аппарата, превращающего объективный научный дискурс в алармистский с трактовкой в нем исчезающих языков как жертв, английского языка – как языка-убийцы, с эмоциональным описанием языковых войн.

Претензии к эколингвистической концепции сводятся к следующему: 1) в отличие от биологических видов, языки не имеют генов, и, таким образом, они не подвержены механизму естественного отбора; их перспективы на выживание зависят не от их внутренних свойств или от их способностей к адаптации, а только от социальных сил; кенийскому лингвисту Саликоко С. Муфвене принадлежит следующее ёмкое и точное высказывание: «Языки не убивают языки: это делают говорящие» [Salikoko S. Mufwene Эл. ресурс]; 2) темпы эволюции биологических видов и языков очень различны: в ближайшие сто лет вымрут 2 % биологических видов, но 50 % сегодняшних языков [Skutnabb-Kangas, 198: 20]; 3) в отличие от биологических видов, языки могут сохраняться, образуя смешанные формы, если используются в изменившихся условиях; для сохранения же биологического вида важно сохранение условий его существования; 4) биологическая метафора

способствует безразличному отношению к исчезновению (смерти) языков, поскольку оно считается естественным завершением эволюции языка как живого организма; 5) лозунг «Чем больше языков, тем лучше» провоцирует нарушение языкового равновесия в мире, поскольку ни один автохтонный язык не сможет стать доминирующим; значит, английский автоматически становится единственным языком международной коммуникации [Марусенко, 2015: 152–153].

Приведенные аргументы противников эколингвистической концепции, однако, не поколебали её популярности: движение в защиту исчезающих языков ширится, принимаются соответствующие декларации и законы, хотя антиэколингвисты и считают их бесполезными. К ним относится, например, «Декларация об африканских языках и литературах», принятая 17 января 2000 года в г. Асмэра (Эритрея, Восточная Африка). В этой Декларации говорится: «1. Африканские языки должны принять на себя обязанность, ответственность и вызов использования их на континенте. 2. Жизнеспособность и равенство африканских языков рассматриваются как основа будущего процветания африканских народов» [The Asmara declaration Эл. ресурс].

Устойчивость эколингвистической концепции связана с тем, что она явилась ответом на запрос общества на обеспечение культурного и языкового разнообразия, а также безопасности языков в условиях глобализации. Транснациональная миграция людей привела к формированию новой этничности, иначе расставила акценты в самоидентификации человека, сместив язык с центрального места в ней. Идеологический тезис, что язык напрямую соотносится с культурой и нацией, не учитывает сложности структуры многоязычных сообществ. Сегодня уже нет оснований утверждать, что язык напрямую соотносится с культурной, этнической, национальной или какой-либо другой идентичностью. В век глобальных изменений в логосфере и миграций все с большей очевидностью обнаруживается совместимость национального суверенитета и внутреннего многоязычия.

Библиографический список

Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М. : ВКН, 2015. 496 с.

Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford : Oxford Univ. press, 1992. 365 p.

Salikoko S. Mufwene. Globalization and the myth of killer languages [Электронный ресурс] // URL: <http://mufwene.uchicago.edu/publications/globalization-killerLanguages.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).

Skutnabb-Kangas T. Multilingualism and the education of minority children // Minority education: From Shame to struggle. Clevedon : Avon, 1988. P. 9–41.

The Asmara declaration on African languages and literatures [Электронный ресурс URL: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/asmara-declaration-african-languages-and-literatures> (дата обращения: 23.07.2020).